

ЭКЗОЦЕНТРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК МАРКЕР МЕТАЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ МЫШЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Нагамова Н.В., Чепурина И.В.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: diamant-78@list.ru, rgya-mk@yandex.ru

Данная статья посвящена экзоцентрическим композитам в немецком и русском языках как вербализации особых форм мышления и как одному из аспектов порождения новых лексических единиц с развернутой смысловой структурой. В статье обсуждаются морфологические особенности порождения композитов немецкого языка с точки зрения компонентной деформации сложных слов с многозначными компонентами. Продуктивность словосложения немецкого языка обнаруживается в том, что среди сложных слов существует достаточно много не зафиксированных в лексикографических источниках окказионализмов, возникающих в речи соответственно намерениям адресанта и выполняющих особые функции в текстах различных жанров, каждый конкретный акт создания экзоцентрического сложного слова репрезентирует феномен стоящий в определенном отношении к понимаемому объекту, к объективно данному общему смыслу.

Ключевые слова и фразы: композит, металогика, экзоцентрическое словообразование, компонентный состав, трансформация морфемной структуры.

EXOCENTRIC WORDFORMATION AS METALOGICAL WAY OF THINKING MARKER IN GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Nagamova N.V., Chepurina I.V.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkinast. 1/A (building1), e-mail: diamant-78@list.ru, rgya-mk@yandex.ru

This article is devoted to exocentric compounds in German and Russian as the verbalization of specific way of thinking and one of the main aspects of new lexical units derivation with extensive sense structure. The morphologic features of German compound derivation in the context of component deformation of the stem-compounds with polysemous elements are discussed in the article. The Efficiency of German word composition process is defined in the following, there are many occasional words not recorded in lexicographic sources amount the stem-compounds, which are arising in the speech acts according to intentions of the sender and discharging special functions in texts of various genres, each concrete act of exocentric compound derivation represents a phenomenon standing in a certain relation to understood object, to objectively given general sense.

Keywords: compound word, metalogic, exocentric word formation, volume components, morphemic structure transformation.

Лексический состав языка подвергается постоянным изменениям: выходит из употребления устаревшая лексика, которая нередко откладывается в пассивном запасе языка, появляются неологизмы, некоторые слова изменяют свое значение. В процессе исторического развития лексики огромную роль играет и словообразование: префиксация, суффиксация, словосложение, изменения в составе слова в целом.

К.Д. Ушинский в свое время подчеркнул: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и миллионах индивидуумах, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка, так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть

результат мысли и чувства человека, через которые отразились в слове природа страны и история народа» [6, с.554-556].

Словообразование – образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокоренных слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств. В зависимости от использованных в акте словообразования формальных средств оно делится иногда на словопроизводство (при использовании средств аффиксации, суффиксации и префиксации), словосложение (при участии в акте словообразования по крайней мере двух полнозначных единиц), конверсию (при переходе или транспозиции слов из одной части речи в другую), аббревиацию (при наличии сокращения исходных слов) и т. п. Образование новых слов (с помощью формальных средств) нередко именуется также деривацией, производные же и сложные слова как результаты процесса деривации обозначаются тогда под общим термином «дериваты» [3, с. 467].

Следовательно, если новое слово возникло путем словообразования, значит оно образовано на основе существовавших ранее в языке слов и основ путем изменения их морфологической структуры. Это значит или изменился корень слова (например, *Flug* от *fliegen*), или к корню присоединился тот или иной словообразовательный аффикс (например, *zufliegen*, *Flieger* от корня *Flieg-*), или два слова или две основы соединились в одну новую основу (*Flughafen* образовано при помощи соединения *Flug*+ *Hafen*). Наконец, слово, не изменяя своей словообразовательной формы, может перейти в другой грамматический класс и получить новое грамматическое оформление, то есть, в конечном счете, другую морфологическую характеристику (например, *das Fliegen*- склоняемое существительное, образованное от инфинитива *fliegen*, то есть, неспрягаемой формы глагола).

На протяжении многих лет существует спор среди лингвистов о месте учения о словообразовании. С одной стороны, учение о словообразовании как об одном из путей развития и пополнения словаря, при этом часто воздействующем на другие пути и переплетающемся с ними, может быть отнесено, как уже отмечалось выше, к лексикологии, изучающей словарный состав во всем его объеме. В результате словообразовательных процессов создаются новые лексические единицы – слова, выражающие новые понятия или новые оттенки понятий, а не грамматические формы того же слова. С другой стороны, учение о словообразовании во многом соотносимо с грамматикой и, прежде всего, с морфологией, то есть, с учением о частях речи. Так, например, можно говорить о способах и средствах словообразования, характерных для того или иного грамматического класса слов: словосложении существительных, суффиксации прилагательных, конкретных суффиксах существительных или прилагательных, о префиксах глаголов и т. п. Словообразование

служит, таким образом, одним из добавочных признаков той или иной части речи, а иногда и определяет ее грамматические категории и формы [5, с. 50].

Словообразование, а именно словосложение, соприкасается частично и с синтаксисом, поскольку части сложного слова в ряде случаев соединяются между собой по типу синтаксических отношений, и иногда сложные слова по функции соотносимы в какой-то мере со словосочетаниями. Рассматривая связь синтаксиса и словообразования, ученые выделили так называемую синтаксически ориентированную словообразовательную концепцию, которая в первую очередь связана с генеративными языковыми моделями.

Таким образом, по целеустановке своих процессов словообразование имеет непосредственное отношение к лексике, но в то же время его нельзя оторвать от грамматической системы языка. Кроме того, его законы и процессы обладают рядом специфических черт, отличающих их как от лексических, так и от грамматических законов и процессов [5, с. 54]. В связи с этим ряд ученых (А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и др.) рассматривали словообразование как особый раздел науки о языке, тесно связанный как с лексикой, так и с грамматикой. На современном этапе развития учения о словообразовании эта точка зрения представляется наиболее соответствующей действительности.

При сравнении расположения компонентов, порядка их следования друг за другом внутри сложного слова в русском и немецком видно, что здесь есть и различия, и сходства. В некоторых словах порядок следования частей отличен, например:

Но одновременно следует отметить и примеры полного соответствия компонентов в обоих языках, например: *Gutherzigkeit* – добросердечие, *Lebensfreude* – жизнерадостность, *Handarbeit* – рукоделие, *Hausbesitzer* – домовладелец, *Herzklopfen* – сердцебиение и др.

Кроме того, сложным немецким словам в русском языке зачастую соответствуют словосочетания. Можно сказать, что словосложение является продуктивным способом словообразования и в русском, и в немецком языках. Но, несмотря на большое количество общих черт, словосложение в разных языках имеет свою специфику. Например, следует отметить особую продуктивность в немецком языке определительность сложных слов, весьма многочисленных среди таких частей речи, как существительные, прилагательные и наречия. При этом степень сложности, то есть протяженность немецкого слова (в отличие от русского) теоретически неограниченна, так что композиты, состоящие из трех и более компонентов, не являются необычными с точки зрения своей длины единицами.

Но все же чаще других встречаются двухэлементные сложные слова, вторыми по частотности являются трехэлементные, тогда как более протяженные относительно редки и характерны прежде всего для специальной лексики, где они выступают как удобные

термины.

Продуктивность словосложения немецкого языка обнаруживается еще и в том, что среди сложных здесь достаточно много окказионализмов, возникающих в речи соответственно намерениям адресанта и выполняющих особые функции в текстах различных жанров.

Композиты могут быть образованы от слов различных частей речи. Но наиболее многообразными в семантическом плане являются сложные существительные, первым элементом которых выступают основы той же части речи. Именное сложение используется для передачи самых различных значений и их оттенков, оказывающихся своеобразными в каждом отдельном случае и базирующихся на внеязыковом опыте людей. Поэтому многие ученые видят практическую неограниченность образования в немецком языке сложных слов, состоящих из двух существительных.

Существуют различные модели сложения существительных, согласно которым принято выделять следующие группы субстантивных композитов:

полносложные соединения, неполносложные соединения и сдвиги [5, с. 112].

Полносложными соединениями являются существительные, первый компонент которых имеет форму основы слова, например: *Landhaus*, *Schreibtisch*, *Zartgefühl* и т.п. Неполносложными соединениями следует считать такие сложные существительные, первый компонент которых соединяется при помощи особого соединительного элемента: -(e) s-, -(e) n-, -e- или -(e) er-, например: *Tageslicht*, *Hirtenknabe*, *Pferdestahl*, *Kindergarten* т.п.

Связь компонентов внутри сложного слова не произвольна: она обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой. Когда эта связь теряется, тускнеет значение слова, оно становится непонятным или приобретает новое значение.

Как правило, в целом синтагматику новообразования (сложного слова) определяет семантическое содержание его компонентов, например, сложное существительное *Schwarzbrot* соотносится с понятием *schwarzes Brot*. Однако немецкому языку свойственны определительные композиты идиоматического характера, значение которых не выводимо из значений непосредственных составляющих. Так, *Kupferhammer* не «медный молоток», а предприятие холодной обработки меди, *Grasmücke* не «травяная мошка», а *Meerkatze* не «морская кошка». Подобного рода композиты традиционно называются экзоцентрическими, их денотат находится как бы вне семантического содержания всего образования, выраженного эксплицитно [4, с. 9]. Некоторые лингвисты, например, к экзоцентрическим композитам относят так называемые посессивные сложные слова с семантикой обладания каким-либо признаком. Это известные в лингвистике бахуврихи типа *Rotkäppchen*, *Langbein*

и т. п. Но этот вопрос остается довольно спорным, так как подобные образования представляют собой результат метонимизации, то есть не морфологического, а семантического словообразования. И поэтому невозможно соотнести подобные образования с определенным словообразовательным способом вне контекста употребления. Например, *Schlafmütze* может быть и головным убором (не бахуврихи) и человеком по признаку обладания этим убором, то есть бахуврихи, и это становится ясно только в определенном контексте.

Экзоцентрические сложные слова представлены преимущественно в социально окрашенных слоях лексики немецкого языка, в профессиональных словарях, где они могут быть даже терминами [4, с. 10]. Так, например, экзоцентрика широко представлена в лексиконе цветоводов, где эти слова называют сорта и виды цветов: *Blaukissen*, *Blaustern*, *Siegwurz*, *Tausendschön*, *Buntlippe*, *Drachenbaum*, *Glockenbeide* и т.п.

Экзоцентрические сложные слова, составляющие большие пласты лексики практически во всех формах проявления немецкого языка, особенно активно используются в обиходно-разговорной речи благодаря их высокой экспрессивности и эмоциональности. А основным признаком, отличающим сложные экзоцентрические слова от остальных групп композитов, является невозможность их трансформации по их составляющим.

Структура сложного слова, то есть характер соединения компонентов главного и зависимого слова, наличие и отсутствие аффиксов и соединительных гласного и согласного, порядок расположения основ в составе сложного слова определяется лексико-грамматической природой слова, принадлежностью его к определенной части слова, емкостью его семантики, его синтаксическими и словообразовательными связями, стилем языка, в котором оно употреблено.

На жизнь сложного слова оказывает огромное влияние его семантика.

На продуктивность, распространенность и соотносительность основ в пределах одного и того же слова влияют разные оттенки или значения оттенков, заключенных в одном и том же слове. В сложном слове имеется соотнесенность компонентов: потеря значения одного из них зачастую затемняет и значение другого.

Итак, все сложные слова образуются из компонентов, значение которых может оставаться стабильным на протяжении столетий и даже тысячелетий. Но встречаются и компоненты, значение которых может измениться от эпохи к эпохе. Сложные слова с такими компонентами подвергаются своеобразным деформациям. Сама система словосложения построена так, что в языке не появляется абсолютно новых слов, но нельзя не отметить и тех качественных изменений, которые возникают при образовании сложных слов и которые заключаются, прежде всего, в том, что возникшее новое слово всегда обладает значением,

отличающимся от того значения, которого лишилось в компоненте словосочетание. Особенно показательны в этом явления ономастики и топонимики.

Сложные безаффиксальные и аффиксальные слова в процессе исторического развития могут превратиться в производные слова в том случае, если значение первого или второго компонента погаснет, и основа полнозначного слова станет аффиксальной. Со временем части сложного слова могут утратить свое самостоятельное значение и превратиться в аффиксы. Примером этому могут служить полуаффиксы (полусуффиксы и полуприставки), например, полусуффикс – *werk*. В немецком языке существует существительное *Werk* со значением: дело, труд, работа, сочинение и т.д. Слово *Werk* может являться также компонентом сложного слова. Но постепенно самостоятельное значение этого слова отходит на второй план, образуется новое словообразующее значение – значение коллектива, собрания.

Как указывает в своих работах С.Н. Бредихин: «Языковой процесс, который обозначается композитообразование, в грамматиках чётко отграничивается от словообразования с использованием аффиксов: данный процесс не нуждается в каких-либо формальных средствах и не образует новых слов в том смысле, в каком это делает производное словообразование. Каждое слово или словосочетание распознаётся в большинстве западно-европейских лингвокультур по присутствию артикля как существительное или же сочетание с ним. Подобный способ словообразования имеется во всех индоевропейских языках, однако продуктивность его не везде одинакова. Немецкий язык использует его предпочтительнее, чем другие, что можно проследить и в разножанровых текстах аналитической философии, где используется множество таких лексем» [1, с. 348].

По Й. Эрбену, рассматриваемые нами производные относятся к отглагольным именам. Они служат в содержательном смысле для образования *nomina actionis* и «слов, обозначающих результат действия». Пример:

*Nicht um ein als Territorium zu denkendes Land handelt es sich, sondern um das Gebiet der Sprache, das Sprachland und eben das expandiert mit jeder neuen **Wort-Ding-Entsprechung** (Seidel J. Muß man unbedingt modern sein? Zur Signatur der Moderne im Werk Stefan Georges [Muß man unbedingt modern sein?]. /<http://seidel.jaiden.de/george.php/>). – Речь идет о территории не как о гипотетическом пространстве, а как об области языка, мире функционирования языка, и как раз он расширяется с каждой новой **денотацией**.*

Предложения-инфинитивы как экзоцентрические сложные образования не являются словотворчеством в прямом смысле, «в них лишь проявляется желание приблизить различные явления к пониманию с помощью уже имеющихся в наличии языковых

элементов» [1, с. 350]. Если сравнивать возможности выражения в композитах и новообразованных словах, то нужно сказать, что первый способ интерпретации удобнее. Второй способ требует от читателя больших усилий и понимания. Композиты – целенаправленные и содержательные образования, однако они плохо соотносятся с так называемым чувством языка.

Älter noch ist die Dichtung als Sein-Könnende Geschichte, die Dichtung des Magier, Schamanen, des Zauberers, der nicht nur die gedichteten Korrelate zu den materiellen und immateriellen Dingen kannte – das Zauberwort, den Zauberspruch – sondern auch Zukunft sah (Seidel J. Muß man unbedingt modern sein? Zur Signatur der Moderne im Werk Stefan Georges [Muß man unbedingt modern sein?]. /<http://seidel.jaiden.de/george.php/>). – *Поэтика еще старше, чем История материальных преобразований действительности, поэзия мага, шамана, волшебника, который знал не только созданные соответствия к материальным и нематериальным объектам – заклинания, но и видел будущее.*

Причина создания лексем с развернутой смысловой структурой не только в том, что данные образования от не являются однозначными, но и в том, что в такой форме они не встречаются ни в одной грамматике немецкого языка, другими словами, относятся не к осознаваемому в формальной логике языка, а является понимаемым рефлексивно. Именно своей необычностью они и интересны.

Направленность порождающей подобные лексемы широкой семантике рефлексии является определяющей доминантой, каждая метаединица и компонент структуры есть часть/символ всего воспринимаемого объекта, а значит, способ построения подобных образований определяется типом организации компонентного состава и рефлексии над ситуативным аспектом и дальнейшей узуализацией, каждый конкретный акт создания экзосентрического сложного слова репрезентирует феномен, стоящий в определенном отношении к понимаемому объекту, к объективно данному общему смыслу.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
2. Бредихин С.Н. Этимологическое переразложение и синтез как базовые механизмы дифракции и модификации суперструктуры смысла // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 6 (ч. 2). – Пенза: ИД «Академия Естествознания», 2013. – С. 490-494.
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

4. Малинин Б.А. Экзоцентрическое словосложение в немецком языке // Университетские чтения. – 2002. – Ч. 2. – С. 9-11.
5. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.
6. Ушинский К. Д. Родное слово. Собр. соч.: в 11 т. – М.; Ж., 1948. – Т. 2. – С. 554-563.
7. Bach K. Intentions and demonstrations // Analysis. – Oxford. – 1992. – Vol. 52. – № 3. – pp. 140-146.
8. Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. – Vol. 4. 1973. – № 3. – pp. 328-350.

Рецензенты:

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Чанкаева Т.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры связей с общественностью ННОУ ВПО «Институт дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.